

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний – тов. Писковец Татьяны Ивановны.

О событиях на Украине периода немецкой оккупации.

22/І-1946 г.

Беседу проводила тов. Золотарева, научный сотрудник Комиссии по Истории Отечественной войны [подпись]

Стенограф – Куржнир Е.Л.

тов. Писковец. До войны работала машинисткой в райкоме партии с. Бородянка. Окончила 10-летку.

Война меня застала в с. Бородянке. 4-го июля 1941 года я вместе с другими эвакуировалась в г. Прилуки Черниговской области. Там мы пробыли до второй эвакуации, поехали в город Гадяч Полтавской области. Дальше ехать не могли, потому что в Ромнах высадились немцы, перерезали путь. Там мы были до марта 1942 года. Потом вернулись в Бородянку, потому что в Гадяче назначали в Германию и больше цеплялись к тем, кто не был местным жителем.

Я приехала домой. С марта 1942 до сентября 1943 работала в общественном немецком хозяйстве, в саду. Работали с 8 утра до 6-7 часов вечера. Ничего не платили нам за труд. Говорили, что пишутся трудодни, но мы ничего не получали за все время работы.

У нас был свой огород, ели свое. В хозяйстве были бригады из нашего села. Это были хорошие люди, они не заставляли много работать. Говорили, что когда придет кто-то из немцев – работайте, а если нет, то работайте медленно. Фамилия этого бригадира Осауленко Алексей. Он и сейчас работает в колхозе. Приезжал немецкий комендант посмотреть, как мы работаем. Однажды мы сидели и не увидели, что он едет. Сделали передышку. А он приехал, как начал кричать на нас. Переводчик сказал, что если будете сидеть, он вас убьет. И бригады приказали, что, когда кто придет, делайте вид, что вы работаете.

[Л.2] Я работала там, но меня все-таки 9 раз назначали в Германию. Я все время убегала, пока не получила здесь в Киеве справку о болезни. Ночевали в саду, потому что по ночам бывали облавы.

В сентябре 1943 года закончили все работы в саду. Был введен такой порядок, что перед отступлением немцев все люди должны были проходить регистрацию и их назначали на работу. Староста некоторых послал на кухню, а меня в комендатуру, и до ноября я там работала уборщицей.

В комендатуре я видела, как людей били. Когда там убирала, видела, как заводили в комнату, где допрашивали. Нам не разрешали туда заходить. Я не видела, кто бил, но слышала крик страшный. Туда заводили человека, а когда выводили – нельзя было узнать, так он был избит. Связи с этими людьми не было

никакой. Последний раз видела, как комендант Валлизер бил арестованного, который вышел из тюрьмы. Страшно бледный, качался аж. Он хотел напиться воды. Склонился над лужей. В это время проходит Валлизер, ударил арестованного и начал кричать на конвоира.

Перед самым отступлением немцев арестованных из комендатуры перевели в полицию. Наш дом был напротив. Часов в 9, как раз смеркалось, мы слышали выстрелы, такие приглушенные, как в яму стреляют. Мы посмотрели в окно, видим, что выводят людей за сарай, на огороды. Там выкопали яму и расстреливали людей. То ли их заставляли в яму ложиться, что ли, потому что такой звук был, как в яму стреляли. На второй день мы из окна видели, что яма эта была присыпана землей, а затем два полица вывезли две фуры гноя и забросали эту яму. А дальше вышли немцы, посмотрели и ушли.

Я собственными глазами не видела, но слышала, что полицейские собрали людей – 40 мужчин, загнали в дом и сожгли живыми. При [Л.3] отступлении жгли дома и расстреливали людей, мотивируя тем, что, мол, эти люди имели связи с партизанами. Но они сожгли 78-летнюю женщину, она не только не партизанка, а вообще ничего не знала. И детей малых жгли. При отступлении подходили к домам, подкладывали хвачи, обмоченные в горячем, и поджигали.

На каждой улице был сотский. И когда первый раз гнали в Германию нам сотский вручал повестки. Говорили, что берут на работу в южные области. Завезли нас в Киев. Привезли в гебитскомиссариат. Здесь нас не приняли. Направили аж в Борисполь. Там опять не приняли, направили в Киев, на биржу труда и завезли на аэродром очищать снег. Мы там были 2-3 дня. Правда, не я, я сбежала из Киева. Из Борисполя привезли к гебитскомисару. наших полицейских совсем уже не было. Передали нас киевским полицейским, а их было только 2-3 человека. Мы замешались среди людей и убежали. В Киев нас не везли в вагонах, а гнали пешком. Бывало, остановимся в селе ночевать. Полицаяв 2-3, всех не доглядишь, и бежали люди. А когда 9-й раз нас в Киев пригнали за ограду, там собрали нас уже отправлять в Германию. У меня было две подруги. Одну освободили по болезни сердца, вторую – ревматизму. Мы попросили этих подруг, чтобы они пошли к доктору, записались на наши фамилии, а мы доктору заплатим. Мы дали два куса сала доктору, тысячу карб. деньгами и получили справки о болезни. И больше меня уже по этой справке не брали в Германию.

В первый раз нас шло 450 человек. Доведут нас до леса или в село придут – сбежали. Придешь домой, снова забирают и гонят. А вообще, в большинстве случаев без всяких повесток просто ловили людей. Приходили ночью, окружают дом. Говорили, кто будет бежать – расстреляют. Но большинство не ночевало дома, только старики или с малым ребенком, потому что не брали. За два года может [Л.4] два дня я ночевала дома, а то в сорняках.

Мы читали письма из немецкой неволи. Открыто писать было нельзя, но когда уезжали, договаривались с родными, как будут писать. Например, в селе были очень бедные люди, которые очень плохо жили, вот и пишет – мне живется

так, как такому-то в нашем селе. И уже мы догадывались – как там жилось. А другие писали, что живут плохо, что их бьют.

На процессе я выступаю по делу Валлизера.

Домашний адрес – с. Бородянка, Киевской области.

Автор воспоминаний – *Песковиц*

Проводивший беседу – *Золотарева*

Стенограф – *Куржнир*